

Здесь жил Швейголец, зарезавший свою любовницу — из чистой показухи. Он произнес: «Теперь она в Раю». Тогда о нем курсировали слухи, что сам он находился на краю безумия. Вранье! Я восстаю. Он был позер и даже для старухи — мамыши — я был вхож в его семью — не делал исключения.

Она скитается теперь по адвокатам, в худом пальто, в платке из полотна. А те за дверью проклинаят матом ее акцент и что она бедна.

Несчастливая, она его одна на свете не считает виноватым. Она бредет к троллейбусу. Со дна сознания всплывает мальчик,

ласки стыдившийся, любивший молоко, болевший, перечитывавший сказки... И все, помимо этого, мелко! Сойти б сейчас... Но ехать далеко. Троллейбус полн. Смеющиеся маски. Грузин кричит над ухом «Сулико». И только смерть одна ее спасет от горя, нищеты и остального. Настанет май, май тыща девятьсот сего от Р. Х., шестьдесят седьмого. Фигура в белом «рак» произнесет. Она ее за ангела, с высот сошедшего, сочтет или земного. И отлетит от пересохших сот пчела, ее столь жалившая.

Дни пойдут, как бы не ведая о раке. Взирая на больничные огни, мы как-то и не думаем о мраке.

Естественная смерть ее сродни
окажется насильственной: они —
дни — движутся. И сын ее в бараче
считает их, Господь его храни.